

На следующий день, вымолив у домовладельца разрешение воспользоваться его телефоном, я позвонил ей.

Мне показалось, что гудки тянулись целые часы; наконец ответил жесткий мужской голос.

- Алло? - сказал он, не выявляя ни капли доброты.

- Добрый день, господин, - сказал я, вновь обретая дар речи после мгновенного замешательства. - Я... Я хотел бы поговорить с О Чан.

В трубке помолчали.

- Ее нет дома, - донеслось с того конца, и там положили трубку.

Испуганный и трясущийся, я застыл с трубкой в руке. Очевидно, ее отец - судя по голосу, он не мог быть кем-то другим, - узнал, что мы с ней встречаемся. Не менее очевидным было и то, что он этого не одобрил.

Мне необходимо было поговорить с ней. Мне нужно узнать, что думает она сама - обо мне, о нас, о возможном будущем вместе.

В это время появилась внучка домовладельца, приятная девушка, которая навещала своего деда и была очень добра к нему. Мне не потребовалось много времени, чтобы упротить ее позвонить вместо меня; она могла сказать, что я ранен, чтобы романтическое сердце школьницы сжалось надо мной.

Девушка набрала номер, заговорила своим звонким девичьим голосом - и О Чан внезапно оказалась дома и смогла подойти к аппарату. Подмигнув, девушка передала трубку мне.

- Удачи, - прошептала она и побежала к дедушке.

Я поднес трубку к уху.

- Кто это? - услышал я; голос был печальный, ласковый и очень знакомый.

- О Чан, это я, Юань Ло, - откликнулся я.

Она молчала.

- Ты должна объяснить, что происходит, - умолял я. - Как ты можешь просто так уйти?

Неужели все должно закончиться именно так?

В трубке царил безмолвие.

- О Чан... - сказал я. - Давай встретимся хотя бы еще один раз. Сегодня вечером. В последний раз.

Я услышал, как она всхлипнула.

- Хорошо, - прошептала она. - Сегодня вечером.

Она повесила трубку, не попрощавшись.

Оставшаяся часть дня была настоящей мукой. Я пытался починить один из самодельных предметов обстановки, стул с неровными ножками, но в итоге просто разбил его об пол, высвободив скопившуюся внутри ярость. Я злился не на О Чан, которую не смог бы возненавидеть, даже если бы она плюнула мне в лицо. И даже не на ее отца, который, как любой китайский отец, просто исполнял свой долг, оберегая дочь от неверных решений. Я был зол на этот мир, который делит людей на богатых и бедных, а затем разлучает их. Быть может, я был зол на самого себя за то, что я такой, какой я есть.

Прежде мне никогда по-настоящему не хотелось стать богатым и даже знаменитым, но теперь я вдруг начал мечтать стать и тем и другим. Мысленно я воображал себе их разговор: О Чан заливается слезами, пойманная отцом в полночь, в тот момент, когда она пробиралась домой. Он обвиняет ее в том, что она распущенная девчонка, что она ведет себя как "девочка с букетом"; О Чан отрицает это, объясняя, что она просто выходила на свидание с одним мальчиком и что они просто говорили, сидели рядом и держались за руки. С окаменевшим лицом отец сердито интересуется именем и происхождением этого мальчишки - мальчишки, который пытается украсть у него дочь. Она рассказывает ему, кто я, чем я занимаюсь, какой я трудолюбивый и перспективный. "Младший каскадер!" - восклицает отец. Какой-то оборванец, пытающийся научиться опасной профессии. Как он сможет обеспечить семью? Разве его можно сравнить с молодыми поклонниками, приходящими на выступления О Чан, оставляющими у ее порога букеты цветов и дорогие подарки и постоянно, непрерывно добивающимися ее руки?

Ответы на все эти вопросы были совершенно очевидны, и все же мне необходимо было услышать их из ее уст. Потому я в обычное время оказался на обычном месте. Небо было серым и угрюмым, а луна - наша луна - скрывалась за отвратительной желтой дымкой. В десять часов ворота открылись, и она шагнула на улицу, глядя на меня красными от слез глазами. Не говоря ни слова, она подошла, обвила меня тоненькой рукой, крепко прижала к себе, увлажнив слезами мои щеки и плечи.

Я обнял ее в ответ, затем высвободился, взял ее за руку и повел в парк, к нашей скамейке и виду на небо.

- Почему? - спросил я ее, заранее зная, что она ответит.

- Мой отец... - сказала она, подтвердив все мои подозрения. Она добавила: - Я... Я написала тебе письмо. - Она вынула из-под пальто сложенный лист тонкой бумаги сохранявший тепло ее тела и сладкий аромат духов.

Я взял его и развернул. Аккуратно написанные ее женским почерком иероглифы были для меня все равно что черточки, нацарапанные цыпленком; мое умение читать - а в нашей школе чтение не относилось к важнейшим предметам - позволяло мне понимать уличные надписи и ресторанные меню, однако вовсе не слова прощального письма от девушки. И я, который не плакал со времен первого месяца моего пребывания в Академии, который сдерживал слезы, получая двойные по сравнению с остальными мальчишками порции побоев, непосильных тренировок и наказаний, я начал всхлипывать, вздрагивая от силы своих рыданий.

Я меньше всего хотел, чтобы она видела меня таким, но не мог ничего с собой поделать. Получить письмо и понимать, что оно, как и она сама, навсегда отрезано от меня, - это стало для меня последним ударом.

- Юань Ло... - дрожащим голосом сказала она. - Мне так жаль...

Я вытер лицо рукавом рубашки, приказывая себе прекратить плакать, начать дышать ровно и успокоиться.

- Я понимаю, О Чан, - ответил я. Мое лицо словно окаменело. - Мы из разных миров: я совсем не знаю твоего, а ты не сможешь жить в моем.

Я помог ей подняться со скамейки и повел домой.

Она плелась позади, будто не хотела идти, но я вел ее вперед как можно быстрее, как если бы боялся, что моя воля надломится и я начну умолять ее остаться со мной.

Прижав ее к себе, я закусил нижнюю губу и нашел в себе силы отстранить ее.

- Прощай, - сказал я.

Она кивнула; по ее лицу катились слезы.

- Прощай, - ответила она. - Я когда-нибудь увижу тебя? Сунув руки в карманы, я развернулся и побрел прочь.

- Нет, - откликнулся я бесцветным голосом. - Во всяком случае, не таким.

“Не таким, как сейчас, - подумал я, завернул за угол и побежал. - Когда... если ты снова увидишь меня, это будет уже не Юань Ло, нищий мальчик-каскадер”.

Я ненавидел Юань Ло. Я не испытывал к нему - к ленивому, никчемному неудачнику Юань Ло никаких чувств, кроме презрения. Я понял, что ему предстоит умереть, чтобы стать таким, каким я хочу стать, мне нужно убить Юань Ло.

И стать кем-то другим.

ГРЯЗНАЯ РАБОТА

За недолгое время своей работы в кино я уже успел познакомиться с известными актерами и режиссерами. Они не произвели на меня большого впечатления; конечно, они были симпатичными, красивыми или шумными и властными (главным образом, режиссеры), но ни один не мог сделать того, на что был способен я: драться, прыгать, падать, вскакивать и начинать все заново, даже если ты ушибся или получил травму. Честно говоря, я просто не понимал, почему они стали такими знаменитыми.

Совсем другое дело - старшие каскадеры. Они представляли собой необузданную и суровую команду, живущую только текущим мгновением, так как знали, что каждый новый день их ремесла может оказаться последним. Они курили, пили спиртное и играли в азартные игры, до последнего гроша растрачивая всю свою дневную зарплату уже к рассвету следующего дня. Слова для них ничего не значили: если хочешь о чем-то заявить, сделай это с помощью своего тела - прыгай выше, кувыркайся быстрее, падай с большей высоты. Лишившись О Чан, я начал околачиваться возле старших ребят и проводил с ними время после того, как мы перевязывали раны. Каждый вечер мы расслаблялись после дневной работы и умудрялись смеяться над полученными травмами. “Нам платят шрамами и синяками”, - сказал мне как-то один старший каскадер, и это было шуткой лишь наполовину. Разумеется, каждая легкая царапина становилась предупреждением о том, что где-то за углом нас поджидает серьезная травма, которая может превратить нас в калек или вообще убить, и потому мы напивались, курили и играли - отчасти чтобы отпраздновать еще один день жизни, отчасти чтобы забыть о том, что с восходом солнца нам вновь придется идти на такой большой риск ради такого крошечного вознаграждения.

У старших каскадеров - а также у тех людей, кто был достаточно отважен и безумен, чтобы им подражать, - было одно выражение, которое полностью описывало их философию: “Lung fu mo shi”. В буквальном переводе это означает “тигр-дракон” - могущество над могуществом, сила над силой, смелость над смелостью. Если ты был Lung fu mo shi, ты смеялся над жизнью, прежде чем проглотить ее, не раздумывая. Один из способов жизни Lung fu mo shi заключался в том, чтобы совершать поразительные трюки, вызывать у публики изумленные возгласы и рукоплескания. Однако был способ и получше: попытаться исполнить поразительный трюк, упасть и подняться с улыбкой и готовностью повторить все сначала. “Ура! Lung fu mo shi!” - восклицали они, и ты понял, что сегодня вечером все будут угощать тебя выпивкой.

Для нас - особенно для младших ребят - титул lung fu mo shi был высочайшей похвалой, какую только можно было вообразить. Я с головой погрузился в работу, прилагая все свои усилия без остатка к тому, чтобы доказать, что во мне тоже есть черты дракона и тигра; я удивлял постановщиков трюков своей готовностью делать все что угодно, каким бы скучным или безумным все это ни было.

Я появлялся на студии очень рано, а уходил оттуда в числе последних. Я добровольно вызывался бесплатно опробовать слишком опасные трюки и доказать, что они возможны, - иногда это получалось, иногда нет. Никто никогда не видел меня вскрикивающим или плачущим: я позволял себе выплеснуть подавленную боль только тогда, когда оказывался дома. Ранним утром соседи раздраженно стучали в стену, слыша, как я вскрикиваю и постанываю в своей квартире; однако они никогда не беспокоили меня лично, вероятно, считая меня опасным безумцем.

Однажды мы работали над сценой, в которой главный герой фильма должен был задом перепрыгнуть через балконные перила, сделать оборот в воздухе, приземлиться на ноги и остаться при этом готовым к драке. Конечно же, исполнивший эту роль актер уселся в тени, заигрывая с одной из актрис второго плана и потягивая чай. Падение предстояло сыграть нам.

Большинство прыжков такого рода выполняются с помощью тонкого стального троса, пристегнутого к матерчатым креплениям, которые каскадеры носят под одеждой. Другой конец проволочного троса пропускают через закрепленный на жестком якоре - например, на перилах балкона - блок и привязывают к крепкой веревке, которую удерживают два-три каскадера, стоящие в стороне от кадра и твердо упирающиеся ногами в землю. Такая страховка помогает избежать несчастья в случае неудачного падения: трос дергает тебя вверх и предотвращает неуправляемое падение на землю.

В тот день мы работали с одним режиссером, которого все каскадеры единодушно считали полным идиотом. Он был полной бездарностью - и в этом смысле ничуть не отличался от множества других режиссеров, работавших на студии в те годы. Однако проблема заключалась в том, что он был бездарностью с претензией на подлинного знатока искусства. Мы очень быстро усвоили, что именно это сочетание приводит к гибели каскадеров.

- Никакого троса, - выкрикнул режиссер, и его пухлое бородатое лицо побагровело.

Постановщик трюков - гибкий мужчина с впалыми щеками, которому уже перевалило за сорок, - скрестил руки в безмолвном жесте неповиновения. Мы, младшие каскадеры, считали этого постановщика трюков лучшим человеком на свете: во-первых, он никогда не относился к нам как к детям, а во-вторых, время от времени противостоял нереалистичным требованиям режиссеров.

- Даже если я захочу стать режиссером, мне никогда не позволят: я нажил слишком много врагов, - признавался он нам. - Однако я дам вам один совет на тот случай, если кто-то из вас когда-нибудь станет важной шишкой. Если вы уважаете своих каскадеров - а без этого не сделаешь хорошего фильма, - никогда не требуйте от них вы-полнить такой трюк, какой не смогли или не захотели бы исполнить сами. Быть может вы не научитесь у меня чему-то особому, но запомните это правило. - Затем он выкрикивал: "Кам пай", что означает: "Пей до дна!", и, разумеется, мы так и поступали.

Я до сих пор следую этому правилу.

Мне известно, что некоторые называют меня сумасшедшим режиссером, утверждая, что я требую невозможного, - но я знаю, что они ошибаются, так как сам уже исполнял каждый опасный трюк, которого требую от своих каскадеров. Эти трюки не убили меня, и каскадеры понимают, что, благодаря удаче, от которой зависит жизнь любого из них, они тоже не погибнут.

Режиссер, с которым мы работали в тот день, был таким толстым, что едва ходил, а о том, чтобы он исполнил хоть какой-либо трюк, и речи не могло быть. Он не имел ни малейшего представления о том, насколько опасным может стать падение с высот пятнадцати футов, даже если это делает опытный профессионал.

- Вы отдаете себе отчет в том, что при выполнении этого трюка один из моих людей может погибнуть? - спросил наш руководитель, проявляя замечательную выдержку.

- За это им и платят, - возразил режиссер. - Если в этой сцене мы используем трос, падение будет выглядеть так, словно на землю сбросили куклу. Неприемлемо!

Режиссер не согласился даже уложить на землю плотный матрац или картонные коробки, которые смягчили бы падение.

Он требовал, чтобы сцену сняли одним кадром с широким обзором.

- Это просто смешно! - заявил постановщик трюков. - Если хотите, чтобы трюк был выполнен именно так, делайте его сами. Никто из моих людей не пойдет на такой риск.

Во время их разговора я оценивал условия трюка. Основная трудность заключалась в том, что прыгнуть нужно было спиной назад, - нельзя ни видеть, куда приземляешься, ни оценить расстояние до земли. Однако все это сводилось к вопросу времени - мысленное отсчитывание секунд во время вращения тела помогло бы избежать беспорядочного падения и удара о землю.

Я решил, что смогу исполнить этот трюк. Смогу - и сделаю это.

- Простите, - выпалил я, - Я хотел бы попробовать сделать этот прыжок.

Постановщик трюков посмотрел на меня с каменным выражением лица, а потом отвел в сторону.

- Ты что, пытаешься оставить меня в дураках? - зло спросил он.

- Нет, - ответил я, выставив подбородок вперед. - Вы правы, Режиссер - полный идиот.

Вы не хотите рисковать жизнью своих опытных каскадеров, так как они вам еще нужны.

Но я - никто, и навсегда останусь никем, если не выполню подобного трюка. Если у меня не получится, режиссер поймет, что вы правы. Если трюк удастся, я скажу ему, что это получилось только благодаря тому, что вы в точности рассказали мне, что нужно делать, - и тогда в следующий раз он хорошенько подумает, прежде чем спорить с вами.

Глаза постановщика трюков сузились.

- Юань Ло, - сказал он, - ты сообразительный парень, но не пытайся перехитрить самого себя. Это не пойдет тебе на пользу.

Затем он обернулся к режиссеру и поднял ладони.

- Хорошо, - сказал он. - Здесь действительно нашелся один глупец, согласившийся исполнить этот трюк так, как вам хочется. Я только что рассказал ему все, что только может спасти его от самоубийства. Возможно, если ему повезет, он просто останется калекой на всю жизнь.

Он подошел к режиссеру так близко, что их лица оказались на расстоянии каких-то нескольких дюймов и они могли чувствовать жаркое дыхание друг друга.

- А вы... - В его ровном голосе слышалась угроза. - Если вы еще раз начнете морочить мне голову, мы все уйдем со съемок, Мне плевать на вашу репутацию, ваши блестящие идеи и ваше самолюбие. Мы рискуем своими жизнями, потому что мы - каскадеры, это наша работа; но мы делаем это совсем не ради какой-то блажи, какая только взбредет вам в голову.

Режиссер побагровел, потом побледнел. Никто из остальных каскадеров не издал ни звука. Наконец, режиссер кивнул и махнул дряблой рукой оператору.

Постановщик трюков положил руку мне на плечо.

- Удачи, - сказал он. - Тело должно быть расслабленным. Будь готов прокатиться по земле, как только коснешься ее. И, как бы оно ни обернулось, ни в коем случае не приземляйся на голову или на спину. Я готов к тому, чтобы отправить тебя в больницу, но совсем не хочу отвозить на кладбище.

Я отправился облачаться в свой костюм, после чего гримерша раскрасила мои щеки красными румянами и изобразила на лбу полосы фальшивой крови. Я поднялся на балкон по лестнице и взглянул на собравшуюся внизу толпу. Все смотрели на меня, а оператор был готов включить мотор. Однако в тот момент единственными глазами, которые меня волновали, были глаза моих братьев, каскадеров, наблюдавших за тем, как я собираюсь сделать нечто безумное и фантастическое.

"Lung fu to shi", - подумал я. Пора показать себя. Рядом появился актер, игравший роль того злодея, который должен был сбросить меня с балкона. Он уставился на меня и недоверчиво покачал головой. Я пожал плечами, улыбнулся ему и поднял руку, показывая, что я готов. - Мотор! - крикнул режиссер. - Начали! - откликнулся оператор. Как только в притворном ударе кулак злодея слегка коснулся моего носа, я изогнулся назад, прыгнул через перила, начал быстрый мысленный отсчет и, прогнувшись в спине, мягко завертелся в воздухе.

В какой-то миг я увидел быстро мелькнувшую подо мной землю и подобрал под себя ноги как раз перед тем, как они коснулись земли. Чуть отпрыгнув назад я стремительно выпрямился.

Получилось! Режиссер остановил камеру и буквально пулей выскочил из своего кресла. Братья выкрикивали мое имя, а постановщик трюков торопливо подбежал ко мне. Он похлопал меня по спине и широко усмехнулся.

- Ты будешь настоящим каскадером, - сказал он.

Быть может, это было дерзостью, однако в дерзости и заключается профессия каскадера.

- Едва не оступился, когда приземлялся, - заметил я. - Давайте еще разок попробуем - на этот раз я сделаю все без ошибок.

Он расхохотался и стиснул мои ладони так, что они заболели.

- Еще разок? - проревел он. - Слышали, ребятки? Парню недостаточно одного раза. Lung fu mo shi!

И мои собратья-каскадеры эхом повторили:

- Lung fu to shi!

Тем вечером у меня появилась новая кличка: "Сделай Дважды". Каскадеры смеялись:

- Одного раза для Сделай Дважды недостаточно! Давайте-ка еще разок!

- Если он хочет работать вдвое больше, то и пить должен за двоих, верно? - сказал постановщик трюков. - Подставляй стакан, Сделай Дважды. Кам пай!

Впервые с тех пор, как я покинул школу, в первый раз после разлуки с О Чан я почувствовал, что наконец-то нашел свое место. У меня вновь появилась семья.

Я был дома.

КАСКАДЕР

Проявив себя, я начал получать настоящую работу и зарабатывать настоящие деньги.

Остальные каскадеры теперь относились ко мне как к равному. В моем переходе к "высшему слою" не было ничего официального. Хотя все мы работали в команде, у нас, в отличие от Академии, не было какой-либо иерархии. Студии не нанимали нас в качестве штатных работников, и мы направлялись туда, где для нас была работа. Не существовало и какого-либо рейтинга, за исключением того, что, если ты был хорош, все это знали и относились к тебе с должным уважением независимо от твоего возраста и происхождения.

Мы были братьями, но это было братство по расчету. Пока все мы работали на съемках, оно было теснее кровного родства, и мы готовы были изо всех сил бороться, защищая честь другого, когда в барах происходили случайные стычки. Если ты - каскадер, то только другой каскадер способен по-настоящему понимать тебя, и потому мы держались вместе и на съемках, и после работы.

Однако каждую неделю, каждый месяц мелькали новые имена и лица, а старые исчезали. Когда Братья Чжоу замедляли производство фильмов, многие лишившиеся работы каскадеры отправлялись на поиски удачи в Китай. Когда съемки замирали в Китае, мы замечали на студиях Киногородка новые лица - толпы людей сидели на корточках в тени и стояли, прислонившись к деревьям, в надежде получить поденную работу. Но, незнакомец или старый приятель, если ты был каскадером, то являлся членом семьи... до тех пор, пока шли съемки.

В мире каскадеров царил захватывающая, непрерывно меняющаяся жизнь. Этот мир заставлял нас состариться или даже погибнуть задолго до срока... однако он не позволял нам взрослеть, так как тот, кто переставал быть в душе ребенком, просто не смог бы выдержать такого темпа и напряжения. Таким образом, если мы и были достаточно необузданными, это можно понять.

В конечном счете нам нужно было успеть отхватить как можно больший кусок от этой жизни, пока мы еще были здесь.

ВЫСОКИЙ РИСК

Помимо множества других дурных привычек - употребления спиртного, курения, драк и сквернословия, - усвоенных за то время, когда я был младшим каскадером, была еще одна, самая ужасная.

Ежедневно я рисковал жизнью ради горстки денег.

И почти каждую ночь я рисковал этой оплатой - всеми деньгами, которые приносила мне моя опасная работа, - в азартных играх. Сегодня это мог быть маджонг, а завтра - бильярд: сто долларов за шар, тысяча за партию. А временами мы с приятелями-каскадерами пробирались в прокуренные неприглядные комнаты, где играли в самую безумную из всех игр - в пай гау, "небесное домино".

Много лет назад, когда я расставался с родителями в аэропорту, отец дал мне три совета: не употребляй наркотики, не связывайся с бандами "Триад" и не играй в азартные игры. Думаю, выполнить два обещания из трех - не так уж плохо.

Я понимал, что, когда отец советовал не играть в азартные игры, он имел в виду совсем другое. Он понимал, что мне придется делать ставки или играть в карты просто для развлечения, чтобы не отставать от друзей. Этим занимались все.

Но игра в пай гау представляла собой нечто совершенно иное. В ней не было никаких ограничений.

Когда играешь в маджонг, то, даже если тебе не везет весь вечер, ты не проиграешь больше двадцати тысяч гонконгских долларов. Играй - и проигрывай - три дня напролет, и можешь проиграть два миллиона.

Неудачный вечер в пай гау означает, что ты должен десять миллионов гонконгских долларов. Даже сто миллионов. А люди, которым ты должен эти деньги, обычно не относятся к тем, с кем можно расплачиваться в рассрочку. Пай гау разрушает семьи, ссорит супругов и губит человеку всю жизнь. Мой отец знал это и избегал этой игры, как чумы.

Но в нашем мире проявление страха означало проявление слабости. Будучи lung fu то shi, мы просто не могли не рисковать.

Вступить в игру пай гау очень легко, но вырваться из нее невероятно трудно.

Я объясню вам правила. В игре используются тридцать две костяшки домино из слоновой кости или пластмассы. Крупье сдает всем участникам по четыре кости, и их нужно разбить на две пары - "переднюю" и "заднюю" руку. Один из игроков становится банкометом, выкладывает на кон ту сумму денег, какой он готов рискнуть, а затем принимает вызовы от других игроков. Затем он сравнивает кости в своих руках с костями партнеров. Для выигрыша нужно, чтобы обе твои руки были сильнее наборов противника (победа только на "передней" или "задней" считается ничьей, но при равной сумме очков выигрывает банкомет).

Поистине ужасной эту игру делает тот факт, что вызов может сделать и тот, кто не участвует в игре. И если ты безрассудно восклицаешь: "Вскрываю всех!" - это означает, что ты готов принять все предложенные вызовы, - дело может закончиться тем, что на кону окажутся сотни тысяч долларов.

Когда я бывал банкометом, я принимал любой вызов. Иногда я выигрывал, временами проигрывал, но в каждой игре выкладывал на стол больше денег, чем зарабатывал за целый месяц. И, оказываясь в выигрыше, я вновь все спускал. Снова и снова.

Вскоре у меня появилось новое прозвище: Йе Фу Пай. Это было сокращение от фразы: "Yao li yeh fu pai, shei geng shei lai", что означает: "Ты играешь с первым встречным".

Случались такие вечера, когда друзья оттаскивали меня от столов, а я брыкался и вопил.

Бывали дни, когда утром я просыпался с перепоя измученным и голодным и клялся, что никогда больше не сяду играть. Однако ничто не помогало - как только кто-нибудь вынимал пачку денег или предлагал "товарищескую" партию в маджонг, я начинал пересчитывать мелочь и гадать, удастся ли мне одолжить денег хотя бы для того, чтобы войти в игру.

В те времена, когда у каскадеров было много работы, я зарабатывал около трех тысяч гонконгских долларов в месяц - для молодого и одинокого парня этого было более чем достаточно.

Однажды вечером, решив окончательно покончить с азартными играми и сберечь немного денег (не говоря уже о душе), я рано попрощался с друзьями пошел домой. В тот день я собирался заглянуть в банк и снять деньги, чтобы расплатиться с домовладельцем, который без лишних вопросов ссужал меня деньгами в периоды неудач в игре.

Однако, едва только я сошел со “Стар Ферри” и двинулся вглубь Коулуна, я ощутил в атмосфере все тот же испепеляющий жар: стремительные партии, высокий риск, крупные суммы. Как ни старался я свернуть к своей квартире, меня безудержно тянуло к старой знакомой аллее, где, как мне было известно, протекали самые разгоряченные азартные игры в городе.

“Еще рано, - сказал я самому себе. - Я могу позволить себе постоять и посмотреть на игру. Мне ведь не обязательно участвовать в ней”.

Два часа спустя я уже засучил рукава, а передо мной лежали те три тысячи, что прежде были у меня в кармане. Я заявил битком забитой комнате, что готов вскрыть свою руку и принять вызов.

- Всего три тысячи? - воскликнул один пьяный игрок, швырнув на стол пачку денег. В ней было почти десять тысяч. Вскоре другие игроки и наблюдатели также принялись кидать деньги на стол, словно намекая мне, что такому парнишке нечего делать в одной комнате с настоящими игроками. Двадцать тысяч, тридцать, пятьдесят...

Стол отяжелел от наличности - почти сто двадцать тысяч гонконгских долларов. Я никогда прежде не видел столько денег сразу. Я не заработал такой суммы за всю свою жизнь.

Однако я никогда не мог увильнуть от брошенного вызова. Хотя зазвучавший в голове голос орал на меня и приказывал уйти - или убежать, - я против своей воли произнес те два слова, каких никто не ожидал услышать.

- Вскрываю всех!

Сто двадцать тысяч долларов! Это было в три раза больше стоимости моей квартиры. Но я заявлял окружавшей меня толпе, что собираюсь забрать все эти деньги и готов выплатить эту сумму, если проиграю.

Сдавая кости, банкомет смотрел на меня тяжелым взглядом. Думаю, в ту ночь на моей стороне был Господь, мои предки или сама удача - кто во что верит. Стараясь, чтобы мое лицо ничего не выражало, я взглянул на свои четыре кости и понял, что могу составить лучшую “переднюю” пару - гии чжун, “совершенное сочетание” - и очень неплохую “заднюю” руку.

Я оказался непобедимым. Это означало, что через минуту у меня будет такое богатство, какое мне и не снилось.

Банкомет открыл мои кости и втянул в себя воздух. Остальные игроки застонали. Однако, начав сгребать со стола пачки денег, я почувствовал на своем плече тяжелую руку.

Оглянувшись, я увидел отталкивающее лицо одного из местных вышибал - вероятно, самого крупного китайца, какого мне только доводилось видеть.

- Покажи деньги, - проворчал он низким и угрожающим тоном. Я пожал плечами и указал на свой выигрыш.

- Не эти, - сказал он. - Ты сказал: “вскрываю всех”, верно? Это значит, что у тебя в карманах должно быть достаточно денег, чтобы покрыть возможный проигрыш, парень.

Я вытаращил на него глаза:

- Но я выиграл!

Вышибала склонился ко мне и стиснул мое плечо ладонью:

- Не хочешь ли ты сказать, что сделал ставку без денег?

Несколько минут спустя меня вышвырнули на аллею. Я растирал ноющее плечо и подбирал несколько банкнот, вывалившихся из моей трехтысячной пачки.

Будь я умнее, я усвоил бы урок того вечера и навсегда прекратил бы играть в азартные игры. Но я не могу этим похвастаться, хотя действительно никогда больше не вытворял подобных глупостей.

В своих фильмах я побеждаю людей вдвое крупнее меня и расшвыриваю в стороны целые толпы, и все же я не хочу проверять, удастся ли мне сделать это в реальной жизни.

ПРИВЕТ, СТАРШИЙ БРАТ

По многим причинам те дни были для меня очень хорошими временами, возможно, даже лучшими. Я тяжело трудился, но получал (и тратил) заработанные деньги. Я старался не вспоминать О Чан.

И каким-то чудом мне это почти удавалось.

Время от времени я виделся со своими братьями, с теми, кого я знал со школьных времен, однако, несмотря на ту связь, какая существовала между нами прежде, теперь у каждого была своя жизнь. Многие из них тоже были каскадерами, но ни у кого дела не шли так хорошо, как у меня, хотя все мы частенько слышали рассказы о наших старших братьях - о Юань Ва, который стал одним из самых популярных дублеров по той простой причине, что, лишь однажды увидев любой стиль боевого искусства, он мог почти безупречно ему подражать, и о Самом Старшем Брате, который сдержал свою клятву стать большим человеком и преуспел в профессии каскадера несмотря на свои крупные размеры.

Что касается Юань Бяо, то после окончательного закрытия школы он решил попытаться счастья за границей и уехал вместе с Учителем и его семьей в Лос-Анджелес.

Тогда я еще не знал этого, иначе воспринял бы его решение как знамение и предупреждение.

Те славные деньки не могли тянуться вечно. Честно говоря, они вот-вот могли закончиться. Закрывающиеся оперные школы означали, что вскоре на студии хлынет поток свежих, юных и бросающих вызов самой смерти талантов. Хотя кинопроизводство развивалось прежними темпами, вскоре должна была развязаться смертельная борьба за работу.

Реальный мир начинал показывать зубы. Работа выдавалась все реже, и нам, вольнонаемным каскадерам, становилось все труднее зарабатывать деньги.

Я начал беспокоиться, когда, являясь на одно из десятков рабочих мест для каскадеров в знакомых студиях, видел сотни таких же молодых ребят - некоторые были еще моложе, - сидящих в тени и дожидаящихся, пока их вызовут. Я всегда трудился с охотой и при любой возможности делал работу за двоих. Однако возможность поработать выдавалась все реже и реже.

Часто, проведя полдня на студии в бессмысленном ожидании, я уходил и возвращался домой, понимая, что сейчас и опытные каскадеры радуются даже роли трупа или статиста в массовке. Как я мог тягаться с ними?

Итак, я ел и спал, сколько мне хотелось, а затем придумывал разные способы убить время. У меня уже не было средств на азартные игры; не было их и у других, так что одалживать деньги я тоже не мог. Временами я даже подумывал о том, не позвонить ли туда, куда я никогда раньше не собирался звонить - маме и отцу, - не признаться ли им, что у моего дела уже нет будущего и что я готов приехать в Австралию, если они вышлют мне билет.

Иногда я болтался вокруг школы О Чан со слабой надеждой случайно встретиться с ней. Но этого так и не произошло.

Поскольку делать мне было нечего и я уже не мог сниматься в фильмах, я принялся смотреть их и тратил последнюю мелочь на все, что только показывали в местных кинотеатрах - от голливудских фильмов до последних гонконгских лент. Знаете, какой фильм был моим любимым? "Звуки музыки" с Джули Эндрюс. За те медленно текущие месяцы я посмотрел его семь раз.

Однажды вечером я заглянул в старый бар, где обычно сидели мои приятели-каскадеры - большинство работали допоздна (если вообще работали), и потому заведение было полупустым.

Я взял пиво, снял с покоробленной и пыльной стойки кий и расставил шары, намереваясь сыграть в бильярд с самим собой.

Щелк. Щелк. С попаданием в лузы мне везло ничуть не больше, чем в поисках работы...

И тут я услышал знакомый голос.

- Эге, неужели это наш Принц? - произнес он с лукавым и сердечным смешком. Я внезапно узнал этот голос; это нарушило мою сосредоточенность, и шар опять прокатился мимо. Я обернулся - это был не кто иной, как Юань Лун, мой Самый Старший Брат. Я едва не выронил кий.

Юань Лун взял кий из моей руки, склонил свое коренастое тело над столом и хладнокровно послал шар в лузу.

- Как дела, Младший Братец? - поинтересовался он.

Я пожал плечами, пытаюсь сделать вид, что встреча с ним не представляла собой ничего особенного.

- Неплохо. Много работы.

Он многозначительно посмотрел на меня.

- Непохоже, что у тебя так уж много работы. - Он загнал в лузу еще один шар и заказал пиво.

Что я мог возразить?

- Слушай, помнишь, что я говорил вам, когда уходил из школы? - спросил он. - Если понадобится работа, дайте мне знать. В конце концов, зачем еще нужен Старший Брат? Я сглотнул ком в горле, не зная, чего ждать от Юань Луна - злорадства или, возможно, сарказма, но уж наверняка не искреннего предложения помощи. Мне очень хотелось верить, что этот враг, превративший десять лет моей жизни в школе в сущий ад, внезапно превратился в славного парня, и все же я не мог избавиться от своих подозрений.

- Почему это ты вдруг решил мне помочь?

Юань Лун нахмурился и сделал очередной удар кием:

- Эй, я пытаюсь оказать тебе услугу, понимаешь? - Щелк, щелк. - Не выдумывай никакой ерунды. Это просто хен дай.

На кантонском диалекте "heng dai" означает ту форму отношений, которая традиционно существует между старшими и младшими учениками. Будучи старше меня, Юань Лун требовал от меня уважения и подчинения. Как младший, я мог рассчитывать на его поддержку и помощь - во всяком случае тогда, когда он не издевался надо мной.

Я скупно извинился за то, что проявил такую неблагодарность.

- Ничего, - с улыбкой ответил он. - У тебя еще будет время научиться тому, как вести себя со старшими. Послушай, я в хороших отношениях с одним постановщиком трюков - я несколько раз прикрыл ему задницу, и теперь он передо мной в долгу. В итоге я получаю работу, когда только захочу. Кроме того, работу дают всем, кого я к нему направляю, соображаешь? Достаточно упомянуть обо мне - и тебя наняли.

Я почувствовал признательность, хотя понимал, что Самый Старший Брат наслаждается тем, что он стал такой большой шишкой и помогает пустому месту, вроде меня. Деньги почти закончились, я оказался в безвыходном положении и уже готовился распрощаться со своими мечтами в отношении Гонконга.

- Спасибо, Юань Лун, - с надлежащим смирением произнес я.

Старший Брат закатил глаза.

- Не называй меня так, - потребовал он. - Я уже настоящий каскадер, а не какой-то школьник. Ребята дали мне новое прозвище: Само. Теперь меня зовут так.

Я прыснул в свою кружку с пивом, и даже Старший Брат, Само, выглядел несколько смущенным. Дело в том, что так звали одного толстенького персонажа из популярных в те времена мультфильмов. Это имя происходило от выражения "am mo", "три волоска", так как на макушке этого мультипликационного героя было всего три волосинки. Таким образом, каскадерское прозвище господина Большой Шишки звучало для нас так же, как для американца, если бы какой-то актер называл себя Снупи или скажем, Гарфилдом.

Впрочем, в этом был определенный смысл. Старший Брат ушел из школы из-за своего лишнего веса - он и стыдился, и ненавидел себя за это. Единственный способ выжить, подавить свое самолюбие заключался в том, чтобы сбросить вес или превратить его в нечто противоположное - в то, чем можно гордиться, над чем можно весело подшучивать.

Я думаю, ему проще было сменить имя, чем режим питания.

По какой-то причине звучание этого нового имени растопило лед между нами. Мы не говорили о прошлом, не делились воспоминаниями. Мы начали все сначала. В результате мы оба напились, хохотали и до поздней ночи играли в бильярд. После полуночи мы заснули прямо в баре - и хранили эту традицию в течение множества шумных и поздних встреч в будущем. Владелец заведения разбудил нас на рассвете, именно в то время, когда нам пора было отправляться в Киногородок и делать заявку на участие в съемках.

На протяжении последующих месяцев мы с Само провели вместе очень много вечеров. Я начинал лучше понимать его и замечал те черты, на которые не обращал внимания в школе. Он был дерзким, невоспитанным и грубым; его веселость могла в мгновение ока смениться плохим расположением духа, и он не боялся использовать свое бойцовское мастерство наряду с язвительным языком. "Хочешь справиться со мной - приводи с собой целую армию", - хвастал он, демонстрируя шрам в форме полумесяца; на верхней губе. Он заработал эту отметину в драке из-за девушки в одном из ночных клубов. Удар, нанесенный ему парнем той девушки - этот трус ударил Само разбитой бутылкой, - навсегда изуродовал его лицо. В свою очередь Само нокаутировал того парня и оставил двух его приятелей истекающими кровью в сточной канаве.

- И если бы не этот маленький порез, я бы вернулся за той девушкой, - гордо заявлял он. Следуя его примеру "крутого парня", мы с другими каскадерами из нашего круга частенько оказывались в скверных переделках. Однажды, напившись и принявшись буйнить, мы украли мотоцикл и по очереди весело катались на нем, пока не обратили на себя внимание полиции. Тот невезучий парнишка, который сидел на мотоцикле в этот момент, попал в камеру предварительного заключения, но мы сбросились, заплатили за него залог, а затем нам удалось "убедить" владельца мотоцикла решить все неофициально - в конце концов, ведь мы просто одолжили его мотоцикл.

Мы даже оплатили ему бензин.

Однако раньше, когда мы были моложе, я и не подозревал, что под угрюмостью и вспыльчивостью Само кроется на удивление чувствительное сердце. Обычно вся его чувствительность была обращена внутрь: никто не осознавал его недостатки лучше него самого. Но иногда эти чувства поднимались к поверхности его крупного тела. В отношениях с друзьями он был добр и щедр, однако взамен требовал от них полной признательности и верности, которые большинство юных ребят из нашей компании с готовностью ему отдавали.

Для меня это было труднее. Я терпеть не мог лизать кому-то зад (к тому же у Само он был слишком велик для этого). Он всегда будет считать себя Старшим Братом, а меня - "малышом".

Рано или поздно мне нужно будет стать взрослым.

И тогда я останусь в одиночестве.

Примерно через месяц после нашего "нового знакомства" к нам неожиданно присоединился еще один старый член семьи - Юань Бяо, который вернулся из Америки после бесславного провала всех попыток проникнуть в Голливуд.

- Никак не справиться с этими проклятыми иностранцами, да, Юань Бяо?- спросил я, когда мы праздновали его возвращение обычным для нас способом: пили и катали бильярдные шары.

- Не угадал, Юань Ло, - ответил он, приподняв большие черные очки, которые носил с того момента, когда миновал черту юношества. - Попав туда, мы сами стали проклятыми иностранцами. Вот что я могу делать! - Он спрыгнул со стула, сделал прыжок назад, приземлился на руки, с легким изяществом прошелся на них и мягко вскочил на ноги. - Но у меня вот такие волосы, вот такие глаза и вот такой язык... В американских фильмах нет места китайцам.

- Глупый ты, они ведь еще не видели меня, - завопил Само, постукивая себя кулаками в грудь. - Подожди, Америка, я еще стану твоим великим героем!
- Старшой прав, - фыркнул я. - Интересно, в Америке найдутся такие широкие экраны, на которых поместятся ты и твое самомнение, братишка?
С момента нашего первого знакомства миновало уже больше десятилетия, но Само по-прежнему не мог поймать меня, когда я пускался бежать.

После возвращения Юань Бяо мы провели много таких вечеров. Ночи напролет мы пили и веселились; к утру мы на несколько часов засыпали, обняв друг друга за плечи, а на рассвете похлопывали себя по щекам, встречая новый день, в течение которого нам предстояло рисковать своим здоровьем и жизнью.
Иногда, в те дни, когда съемки двигались вяло, мы втроем даже уходили из студии и отправлялись в парк, чтобы перекусить, вздремнуть и попинать футбольный мяч - насладиться теми детскими забавами, которых нам так не доставало во время учебы в школе. Когда мы лежали под солнцем на траве, кто-нибудь обязательно переводил разговор на мир кино, начиная рассказывать о знакомых нам актерах (полных бездарях), о тех режиссерах, с которыми нам доводилось работать (как правило, тщеславных глупцах), и о том, что сделали бы мы, если бы оказались во главе кинобизнеса (полностью изменили бы гонконгскую кинопромышленность и, разумеется, изрядно при этом разбогатели бы).
- Ладно, хотите знать, в чем настоящая проблема кино? - спросил однажды вечером Само, когда мы валялись на спине и смотрели в голубое небо, испещренное белыми облачками. Юань Бяо фыркнул и перевернулся на бок:
- Даже если мы скажем "нет", это тебя остановит?
Само пропустил эти слова мимо ушей.
- Фильмы получаются паршивые, потому что трюки в них ненастоящие, - сказал он. - Ты видишь актера, который притворяется мастером боевых искусств, но при этом не может разломить рукой и кусок хлеба Ты видишь людей, которые летают на тросах, подпрыгивают вверх на двадцать футов и одним ударом перебрасывают другого через крышу дома. Кто захочет смотреть на эту чушь? Вот что я вам скажу: драка должна быть дракой.
Я приподнялся, облокотившись:
- Герои такими и должны быть. Они сильнее обычных людей.
- Да ерунда все это! Герой должен быть обычным парнем, а не каким-то выдуманным красавчиком, - возразил Само.
- Ну да, он должен быть таким же уродом, как ты, - поддразнил его Юань Бяо. - Вот это было бы зрелище: "Потрясающие приключения толстяка".
- На себя посмотри, четырехглазый, - Само подался вперед, ткнул Юань Бяо в живот, и они начали шутовскую борьбу.
Глядя на плывущие по небу облака, я подумал, что Само в чем-то прав. В конечном счете все фильмы с боевыми искусствами были одинаковы: неуязвимый и красивый герой, злобные и отталкивающие плохие парни и совершенно нереальные драки, больше смахивающие на танец, - хореографически отточенные и надуманные.
- Могу поспорить, что любой из нас снял бы фильм лучше, чем все эти режиссеры, - сказал я. - Во всяком случае, я мог бы.
- Еще лучше: "Толстяк и Супер-Нос", - пропищал Юань Бяо, хватая ртом воздух, так как Само взгромоздился ему на грудь.
Вскоре все втроем катались по траве, пиная друг друга ногами и толкаясь. Однако, закончив свою возню, мы пообещали, что, если одному из нас когда-нибудь выпадет шанс снять фильм, он найдет своих братьев и мы сделаем это вместе.
Тогда мы считали это просто шуткой. В конце концов, мы были всего лишь каскадерами - днищем бочки кинобизнеса.
Мы не знали, как сложится наше будущее, а сама мысль о том, что в один прекрасный день мы станем звездами... такая мысль была полным безумием.

ПЕРВОЕ ПОТрясение

Шли месяцы, и мы каким-то чудом ухитрялись выживать и даже преуспевать. С помощью Само Юань Бяо сделал первые шаги в качестве младшего каскадера и начал зарабатывать себе хорошую репутацию. Сам Само перешел из числа старших каскадеров на должность постановщика трюков и подписал контракт со стремительно развивающейся студией “Золотой урожай”.

Что касается меня, то я поднялся до вершин профессии и стал лучшим из лучших - одним из тех, кого постановщик трюков вызывал по имени, когда предстояло снять сложный или опасный трюк.

Однажды раздался телефонный звонок, который, как мне кажется, изменил всю мою жизнь. - Это Юань Ло? - спросил кто-то. Я прекрасно знал этот голос, - это был ласковый женственный и добрый голос, голос из моего детства.

- Старшая Сестра! - воскликнул я, вызвав удивленный взгляд домовладельца, который разрешил мне воспользоваться телефоном. Мне не доводилось говорить с ней уже долгие годы с тех пор, как она упала из школы. Выяснилось, что она тоже связана с киносектором и работает помощником одного выдающегося режиссера.

- Я слышала о тебе много хорошего, Юань Ло, - сказала она. - Ты стал очень известным. Думаю, никто не смог бы удержаться от хвастовства после подобного замечания. Я поведал Старшей Сестре о том, что ракетой взлетел по ступеням профессии каскадера.

- Я прыгаю выше, двигаюсь быстрее и бью сильнее других, - рассказывал я ей. - И я ничего не боюсь. Эх, если бы у меня появилась возможность показать все, на что я способен...

С другого конца линии донесся смешок.

- Возможно, я помогу тебе найти такую возможность, Младший Брат, - сказала она, - Один продюсер только что обратился в нашу компанию с просьбой найти хорошего бойца для новой картины. Не думаю, что оплата будет очень большой, но это все-таки лучше, чем получать удары, пока кто-то другой завоевывает себе известность...

Я чуть не уронил трубку. Я - звезда боевых искусств?! Все мы только об этом и говорили, нам даже снились об этом сны. Впрочем, нам снилось и то, что у нас выросли крылья, что мы умеем летать, однако таким сном никогда не оказаться вещими.

- Я готов, - ответил я.

- Я хочу повторить, что не знаю, сколько тебе будут платить...

- Мне все равно, даже если самому придется платить им, - откликнулся я. Она рассмеялась и пообещала порекомендовать меня на эту роль. И я ее получил!

Мне очень хотелось бы думать, что причиной стали мое мастерство или репутация, но, по правде говоря, эту роль выбила для меня Самая Старшая Сестра; она присматривает за мной даже сейчас, многие годы спустя.

Я уже говорил, что, судя по всему, мне чертовски везет в жизни.

Впрочем, временами мне кажется, что моя жизнь никуда не годится. Как только я впервые появился на съемках, мне стало ясно, что что-то не так. Фильм представлял собой дешевенькую историю с кун-фу под названием “Маленький Тигр из Кантона”. Маленьким Тигром должен был стать я, хотя с тем бюджетом, какой был в распоряжении съемочной группы, они вряд ли могли позволить себе даже котенка, не то что тигра. Съемки были еще менее профессиональными, чем те дешевые фильмы-”семидневки”, в которых мы участвовали школьниками.

Происходящее настолько смутило меня, что, когда меня спросили, под каким именем я хочу быть внесенным в титры, я предложил называть меня Чан Юань Лун - так в школе звали Самого Старшего Брата. Я подумал, что он все равно больше им не пользуется, какая же разница?

В процессе работы над “Маленьким Тигром” мое уважение к режиссеру упало еще больше. Сценарий был краток, а указаний поступало еще меньше. Обычно мне просто предлагали стать перед камерой и делать все, что взбредет в голову - а в голове у меня было не так уж много мыслей. Другие актеры постоянно поговаривали об уходе, съемочная группа жаловалась на отвратительные условия контракта, долгий рабочий день и изношенное, ломающееся оборудование. Разумеется, никто не получал деньги вперед.

Ничуть не удивительно, что вся эта затея развалилась. Однажды ночью режиссер и продюсер тихо исчезли и унесли с собой все надежды на то, что фильм будет закончен, - а также на то, что мы получим свои гонорары. Недели труда ушли впустую, а мои мечты о превращении в кумира широкого экрана были растоптаны в первой же попытке.

После этой неудачи я чувствовал себя подавленным и разозленным, хотя и понимал, что для меня всегда найдется место каскадера. Пусть это не принесет мне известности, но, во всяком случае, прокормит.

Жизнь в школе позволила мне твердо усвоить, по крайней мере, одно: нет ничего важнее сытого желудка.

ПОЯВЛЯЕТСЯ ДРАКОН

В то время я даже не подозревал, что, пока переживал свой первый неприятный опыт в роли актера в фильмах с боевыми искусствами, в мире гонконгского кино происходило нечто очень значительное.

Вообще говоря, все началось в 1970 году, когда Рэймонд Чжоу, один из высокопоставленных руководителей компании Братьев Шоу, устал от скаредности студии и решил открыть собственное дело. Основанная им компания “Золотой урожай” поднималась на ноги благодаря распределению работ между независимыми продюсерами, однако Чжоу понимал, что для съемок фильма, который заметили бы во всем мире, потребуется нечто по-настоящему великое.

И вскоре, в 1971 году, это великое действительно появилось. В октябре все сообщество каскадеров гудело новостями о новом парне, которого нанял Чжоу - и которому он предложил невероятную сумму, хотя тот парнишка никогда раньше не снимался в кино ни здесь, ни на Западе.

Он был китайцем, но уроженцем Соединенных Штатов. Работа дублером в популярном американском телесериале превратила его в культовую фигуру и в США, и в Гонконге. Поговаривали, что он очень хвастлив. Поговаривали и о том, что он способен на деле доказать, что хвастает не зря.

Его звали Брюс Ли, а на кантонском диалекте: Ли Сю Лун, или “Маленький Дракон” Ли. За недолгие годы своей жизни он потряс кинопромышленность Гонконга, словно землетрясение.

Уже через несколько месяцев его работы на “Золотой урожай” студия выпустила первый фильм под названием “Большой босс”. В картине изображался совершенно новый тип героя и более сложный, скоростной и захватывающий стиль боевых искусств - быстрый и смертельный, как укус кобры, он сводился к самым важнейшим движениям.

В отличие от скованных, неестественных сражений на мечах, которые обогатили Братьев Шоу, новый фильм казался грубым и неприятным - но в то же время мучительно достоверным. Герой Брюса Ли был мужественным, благородным человеком, жизнь которого заключалась в мести за оскорбленную честь. Он был уличным бойцом, преступным подростком, которого выгнали из дома за пристрастие к дракам.

Короче говоря, он был реальным парнем.

Отправившись посмотреть этот фильм, мы с братьями оказались в огромной толпе людей, часами пробивающихся к кассе за билетами. Нам так и не удалось бы попасть в зал, если бы не наши пронырливость и акробатическое мастерство (первое позволило нам подобраться к открытому заднему окну кинотеатра, а второе - влезть в него и проникнуть в переполненный холл так, чтобы нас не заметили; впрочем, в такой толчее никто все равно не обратил бы на нас внимания).

Несмотря на то что нам не пришлось платить за билеты, мы приготовились возненавидеть этот фильм. Мы действительно хотели этого. В конце концов, этот заокенский китаец возник словно из ниоткуда; он тут же получил гонорар, в сотни раз превышающий наши заработки, а теперь весь Гонконг готов был лизать ему руки.

Нам хотелось возненавидеть его, но мы не смогли.

В этой картине было все то, чего не было в наших фильмах. И хотя сегодня “Большой босс” не покажется особо впечатляющим, в те времена он стал подлинным откровением.

- Вот то, о чем я говорил, - воскликнул Само, когда мы выходили из кинотеатра, и ткнул кулаком в воздух. - Настоящие драки. Настоящий герой. Мне понравилось.

- Да брось ты, - сказал я. - Если все так уж реально, то почему, когда он дрался с целой толпой, они бросались на него по одному?

- Точно, в реальной жизни так не бывает, - вмешался Юань Бяо. У каждого из нас было доказательство этого: синяки на теле.

Само покачал головой и махнул на нас рукой.

- Вы, ребята, не понимаете, о чем идет речь. Я готов поспорить, что это - начало чего-то великого. Если я ошибусь, то съем собственные туфли.

- Скорее всего, тебе и так придется сделать это, когда нечего будет есть, - пробормотал я. После этого, как водится, началась привычная погоня.

Как оказалось, Само был прав. “Большой босс” стал настоящим хитом - он стал кассовым фильмом не только в Гонконге, но и во всей Азии. Этот успех превратил человека по прозвищу Дракон в самую яркую звезду Гонконга, а “Золотой урожай” из начинающей студии в претендента на звание лидирующей.

В результате весь мир гонконгского кино перевернулся с ног на голову. Дело в том, что бесспорными королями кино Гонконга всегда были Братья Шоу. Они представляли собой почти монополистов. У них были ведущие актеры, лучшие режиссеры и огромные средства - хотя это не значило, что они тратили больше, чем следовало.

Однако, упустив Брюса Ли, этот гигант споткнулся, и теперь все кинопроизводство знало, что и Братьев Шоу можно обойти. Всем было известно, что сначала Ли обратился к ним, но они предложили ему стандартный минимальный контракт, которого едва хватило бы на жизнь. Ради этого ему совсем не стоило переезжать в Гонконг.

Ли сторицей расплатился с Братьями Шоу за это оскорбление - мезью стал каждый из миллиона долларов, который лег благодаря ему на банковский счет “Золотого урожая”. Тем временем все независимые продюсеры, студийные работники и будущие киномагнаты Гонконга обшаривали закоулки города в поисках мастеров боевых искусств, которые выглядели, говорили, двигались и сражались бы так же, как Дракон, - они искали нового Брюса Ли.

Для нас, каскадеров, этот период стал захватывающим. Захватывающим, хотя и несколько нервным. Вечерами, когда мы собирались за выпивкой и разговорами, все беседы заканчивались одними и теми же вопросами: чем Ли отличается от всех нас, в чем секрет его успеха?

Совсем не удивительно, что всем нам хотелось воочию увидеть этого человека, это чудо. И такая возможность выпала мне очень скоро.

Как обычно, все началось с телефонного звонка Старшего Брата.

- Эй, Длинный Нос, - сказал Само. - У меня есть предложение!

Само звонил из конторы “Золотого урожая”, где работал теперь старший постановщиком трюков. С возрастающим возбуждением я слушал его рассказ о проекте нового фильма “Золотого урожая”. Действие будет происходить в оккупированном японцами Киате, “Яростный кулак” должен был стать историей взаимной мести между двумя соперничающими школами боевых искусств - китайской и японской. В фильме предполагались десятки ролей для каскадеров.

Не успел я ответить, как Само добавил (таким тоном, словно просто забыл об этом упомянуть):

- Кстати... главную роль исполнит Брюс Ли.

Я выругался в трубку, и Само рассмеялся в ответ.

- Насколько я понимаю, это означает "да". Ладно, покажись в "Золотом урожае" завтра на рассвете. Если опоздаешь - сам будешь виноват, так что потом не жалуйся. И не забудь, что ты мне обязан.

Я знал, что Само будет помыкать мной все время, пока будут идти съемки, - когда мы работали вместе, он никогда не упускал возможности заставить меня лишний раз поцеловать его в зад, - но на этот раз дело того стоило.

Я буду наблюдать, прислушиваться и учиться.

И если у меня появится шанс, я покажу этому Маленькому Дракону, на что способен парень из Шаньдуна.

На следующее утро, ступив на съемочную площадку, я понял, что на этот проект пригласили чуть ли не всех каскадеров самых разных уровней. Мое внимание привлек чей-то приветственный крик, и я увидел Юань Бяо, который стоял в стороне, сунув руки в карманы. Рядом с ним был худой парень, в котором я сразу узнал своего Старшего Брата Юань Ва. Оказалось, что его пригласили на съемки как дублера самого Брюса - отчасти из-за его впечатляющего искусства, но, кроме того, и по той причине, что тип его тела очень походил на гибкое и пружинистое телосложение Ли.

Сходство их фигур стало еще очевиднее, когда на площадке появился Ли; его голова тряслась от плохо скрываемого гнева. Чего не хватало Юань Ва, так это сильнейшего магнетизма личности Брюса - даже когда Дракон просто шел, он, казалось, весь блистал электрическими разрядами.

Вскоре выяснилась и причина его ярости. По пятам за Брюсом двигался коренастый режиссер фильма, знаменитый Ло Вэй.

Ло уже снял несколько картин, включая дебютную киноленту Брюса, "Большого босса"; он часто хвастал тем, что является первым "режиссером-миллионером" Гонконга. Работавшие с ним каскадеры были несколько иного мнения о его мастерстве, так как, несмотря на всю его гордость, он больше всего прославился тем, что однажды уснул в своем кресле прямо на съемках. Хуже того, Ло был закоренелым игроком на скачках: он мог включить радио, чтобы послушать репортаж с ипподрома Хэппи-Вэли, и совершенно позабыть о проходящих съемках. Более того, если кто-то осмеливался помешать ему слушать репортаж, он проявлял свой знаменитый характер и изгонял несчастного со съемочной площадки, чтобы следить за своими лошадками без всяких помех.

Было понятно, что Брюс не испытывал ничего, кроме презрения, к этому человеку, который к тому же называл себя "наставником Дракона".

- Эта цитата вырвана из контекста, - хмыкнул Ло в спину Ли.

- Но она есть в сценарии, так? - заявил Брюс ледяным тоном.

- Я никогда не говорил, что буду учить тебя драться, - сказал Ло, взмахнув руками в попытке переубедить свою звезду. - Я только сказал, что покажу тебе, как нужно драться перед камерой. Умение, талант - все это твое, Брюс. Я в лучшем случае немно-го... э-э-э... отшлифую...

Все остальные следили за этой сценой с неловкостью, не зная, стоит ли нам вмешиваться. Весьма вероятно было, что произойдет нечто неприятное, но в конечном счете мы были всего лишь каскадерами. Какое право мы имели вмешиваться в ссору между кинорежиссером и ведущим актером?

Главное, чтобы кино снимали. Потемневший от ярости взгляд Ли позволял предположить, что дни Ло уже сочтены.

Как только начало казаться, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, плеча Брюса коснулась миниатюрная рука. Это была жена режиссера Лю Лян Хуа.

- Прошу тебя, Сью Лун, - сказала она. - Не относись к словам моего мужа так серьезно. Он не хотел тебя обидеть. Все знают, что ты настоящий мастер, а мы - всего лишь ученики! Брюс опустил кулаки, его плечи расслабились. Ло непроизвольно сделал шаг в сторону - так, что его грузное тело оказалось за спиной тоненькой жены.

- Хорошо, госпожа Ло, - наконец произнес Ли. - Я забуду о случившемся только из уважения к вам. Но если ваш муж еще раз заговорит обо мне с репортерами, я преподам ему урок и покажу, как нужно драться. - С этими словами Ли отошел к краю съемочной площадки, продолжая встряхивать головой.

Ло побледнел.

- Это что, угроза? - выкрикнул он и тревожно махнул рукой окружающим. - Он мне угрожает? Вы все были свидетелями!

Мы, каскадеры, с отвращением наблюдали за тем, как Ло прятался за юбку жены, и ничего не ответили. Он пристально уставился на нас; на его лице отразилась смесь страха и раздражения. Мы отвели взгляды и вернулись к своим праздным разговорам.

- Ладно, парни, мы собрались здесь, чтобы снимать кино! - рявкнул Само, который подошел к площадке вместе с оператором. - Хватит трепаться, пошевеливайтесь!

Когда появились Само и оператор, мы вскочили на ноги и выстроились в ряд; наши лица выражали внимательность, а позы - готовность.

Думаю, наше отношение к новому режиссеру было вполне однозначным.

Меня постоянно расспрашивают о Брюсе Ли. Почему бы и нет? Он был крупнейшей звездой гонконгского кинематографа тех времен. Он стал кумиром еще при жизни настоящей легендой после смерти. Он привлек к боевым искусствам внимание всего мира - и я, думаю, что, не будь его, никто никогда не услышал бы о Джеки Чане.

Наблюдая за ним на съемках "Яростного кулака" и позже, когда снимался "Появляется Дракон", я очень многому научился. О нем рассказано уже так много, что можно исписать тысячи толстых томов, и все равно этого мало, чтобы воздать ему должное. Он обладал невероятным обаянием - его просто нельзя было не заметить. Если он находился с тобой в одной комнате, ты не мог не обратить на него внимания и тебе было очень трудно смотреть на кого-то другого. Он был чудесным мастером боевых искусств - именно таким, как рассказывают. Не думаю, что мне удалось бы победить его в единоборстве; впрочем, я был не настолько туп, чтобы предпринять такую попытку (хотите верьте, хотите нет, но это сделал Само! Однажды он встретился с Брюсом в коридоре "Золотого урожая", они заговорили о кун-фу и провели небольшую схватку прямо на месте. Само утверждает, что у них была "ничья", но очевидцев не было, так что теперь никто уже не сможет подтвердить или опровергнуть его слова).

Однако при виде Брюса в глаза прежде всего бросалось то, что это неутомимый человек, одержимый самосовершенствованием, исполненный решимости достичь своих целей. На съемках он работал за десятерых занимался хореографической постановкой драк, лично пояснял каждому, что от него требуется, и даже заглядывал в камеру, чтобы убедиться, что кадр на экране будет выглядеть именно таким, каким он сложился в его голове. Возможно, "режиссером" фильма считался Ло Вэй, но главным на съемочной площадке всегда оставался Брюс, и все это понимали. Ло был вполне доволен тем, что его оставили в покое, - ему было меньше хлопот. Кроме того, после отвратительного случая в начале съемок фильма Ло не очень-то хотелось ссориться со своей очень опасной и вспыльчивой звездой.

Если меня спросят, чему именно я научился за время совместной работы с Брюсом, я прежде всего назову два принципа - те, которые оказались для меня самыми важными.

Первый заключается в том, что большой успех приходит только при огромном честолюбии. Будучи ребенком, я никогда не проявлял интереса к киносъемкам. В подростковом возрасте мне больше всего хотелось свободно играть, вволю есть и спать и вообще жить так, как мне нравится. Я был бы вполне доволен собой, даже оставаясь каскадером до конца жизни, - если я и задумывался о будущем, то не мечтал о чем-то большем, чем должность постановщика трюков.

Однако в Брюсе я увидел человека, который хотел изменить весь мир; его представление об успехе заключалось в том, что он должен восхищать миллионы людей, заставить их полюбить и запомнить его. И он достиг этой цели меньше чем за десятилетие, снявшись всего в пяти фильмах.

Думаю, именно тогда я впервые осознал, что горизонты возможного шире и величественнее, чем казалось мне раньше. В конце концов, если это удалось Брюсу, то почему не получится у меня?

Дело в том - и это был второй урок, усвоенный мной благодаря Брюсу,- что Дракон был не сказочным персонажем и не полубогом. Он был человеком. Тебе приходилось им восхищаться, но совсем не нужно было ему поклоняться. Во время съемок вокруг него всегда толпились люди; они старались подойти поближе к нему и твердили: "Брюс, ты - лучший, ты - величайший".

Я трепетал перед ним, как и остальные, но никогда не мог заставить себя примкнуть к этой толпе. Я стоял в ста футах от его поклонников, следил за ним издали и ощущал легкую тошноту оттого, что даже каскадеры с десятилетним опытом готовы целовать ему ноги. К тому времени все мы ощутили силу его рук и ног, его удары были сильными и искусными - и все же я знал других людей, не менее - а может быть и более - сильных и ничуть не менее искусных.

Но это не имело значения. Брюс был Брюсом, и этого было достаточно для того, чтобы он был лучшим.

Сам Брюс совсем не требовал такого отношения к себе. Он был достаточно умен, чтобы понимать, насколько пуста эта лесть, что она вызвана только его пребыванием на вершине и теми огромными деньгами, которые он приносил студии и своим подхалимам.

Позже, когда я сам добился успеха, я начал лучше понимать, в каком положении тогда находился Брюс. Когда ты становишься "суперзвездой" - что бы это ни означало, - рядом всегда возникают люди, которые относятся к тебе так, словно ты уже перестал быть обычным человеком. Я помню об этом и не совершаю такой ошибки. Для меня он не является и никогда не был Брюсом Ли, могучим Драконом, - он навсегда остался Брюсом Ли, великим учителем, добрым и приятным человеком.

И знаете, что?

Я очень надеюсь, что когда-нибудь таким же запомнят и меня.

To be continued...

